

Р. Ш. Н а с и б у л л и н, Русско-удмуртско-татарский словарь, Казань 2013. 527 с.

В тех районах Татарстана, где компактно проживают татары и удмурты, татары и чувашы, татары и марийцы, существует реальное триязычие,¹ и языком бытового общения, как правило, служит какой-либо из национальных языков — татарский или, например, удмуртский, а русский используется как официальный язык. Это триязычие нашло отражение в рецензируемом словаре Р. Ш. Насибуллина. Публикация такого лексикографического труда, помимо собственно лингвистического, имеет большое значение и в контексте реализации национальной политики в республике. В современном обществе все больше ощущается потребность в подобных многоязычных изданиях.

До последнего времени учебных пособий, в частности двуязычных словарей, отражающих современный уровень коммуникации представителей двух народов, исторически близких и проживающих на протяжении многих лет по соседству, не было. Успешным начинанием в этом направлении можно назвать выход в свет в 2012 г. «Татарско-русско-удмуртского разговорника» Ф. Ф. Гаффаровой, И. В. Тараканова и В. В. Вежеевой.

Словарь Р. Ш. Насибуллина удачно вписывается в наметившийся положительный научный тренд. Его труд — заметное событие в научной и культурной жизни татарского и удмуртского народов. Такие многоязычные словари всегда востребованы и вызывают интерес не только у рядовых пользователей, но и у специалистов. Словарь не остался незамеченным и сотрудниками отдела лексикографии Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН Татарстана. Результаты его обсуждения нашли отражение в данной рецензии.

«Русско-удмуртско-татарский словарь» составлен опытным, знающим свое дело автором, за плечами которо-

го многие годы лексикографической работы над словарями удмуртского языка. Р. Ш. Насибуллин известен не только как ученый-лингвист, но и как переводчик, благодаря которому удмуртский читатель получил возможность познакомиться с трудами татарских писателей, а татарская аудитория — с произведениями удмуртской литературы.

Предлагаемый словарь содержит около 13 000 слов активной лексики. Автор подчеркивает, что в основном их отбор осуществлен с помощью частотных словарей русского и финского языков, что несомненно повышает ценность издания. Весьма значимо предисловие к словарю, в котором составитель не только описывает особенности грамматики разноструктурных языков — татарского, удмуртского и русского, но и кратко излагает историю связей между двумя соседствующими народами — носителями татарского и удмуртского языков, отмечает влияние татарского языка на удмуртский и приводит убедительные примеры этого.

Заслуживает внимания использованная в словаре подача частей речи, в частности, татарского глагола, который представлен инфинитивной формой на *-ырга*, что, с нашей точки зрения, правомерно, ибо позволяет различать омонимичные отглагольные глаголы, например: *урегулировать* 'жайга салырга', *урегулирование* 'жайга салу'; *знакомиться* 'танышырга', *знакомство* 'танышу'.

Вместе с тем, некоторые положения в «Русско-удмуртско-татарском словаре» вызывают возражения. Так, составитель утверждает, что в «словарь вошли только те русские заимствования, которые были затребованными авторами удмуртских книг, газет и журналов». Между тем, близкое знакомство со словарем убеждает в обратном: издание изобилует интернациональной лексикой и заимствованиями из русского языка. Например, в чем смысл включения в этот словарь таких специальных

¹ По данным Всероссийской переписи населения 2010 года.

единиц, как *гастроном, дубликат, замша, комбинезон, орбита, профсоюз, радиокomiteт, скафандр, турбаза* и др.? Как в удмуртской, так и в татарской частях эти и подобные слова просто повторяются. Кроме того, скудно отражен активный фразеологический фонд указанных языков.

Вызывает недоумение перевод отдельных слов. Несмотря на то что многие ранее изданные словари для тех или иных лексических единиц предлагают равноценные эквиваленты в татарском языке, автор довольствуется переносом русских слов в удмуртскую и татарскую части. Например, *ясень* на татарский переводится как *дардар, көреч* или *корычагач*, а не *ясень*, *ящур* также имеет татарский эквивалент — *тилчә* и т. д. В то время как для приведенных слов опущены собственно татарские варианты, для перевода некоторых иных лексем автор использует давно устаревшие или диалектные варианты, например: *акула* — *күпек балыгы*, *лаять* — *һаулау*. Одним словом, некоторые словарные статьи остаются неполными, ряд русских лексем не переведен на татарский язык, переводы других насыщены просторечными примерами.

В удмуртской части словаря довольно часто приводятся диалектные формы слов, заимствованных из татарского языка. Достаточно взглянуть на татарскую часть словаря: *акация* ... диал. *сарбипу*, *сарви азачы*; *бабка* ... диал. *аби* // *эби* (см. также *рубль, отец, морковь, клёцки, козёл, колодец* и др.). Однако этот принцип последовательного отражения сходных явлений выдержан не всегда: *яйцо* — диал. *кукей*, *кукай* // *йомырка* (в татарском также *күжәй*), *человек* — *адями*, *мурт* // *кеше* (в татарском также *адәм*).

Автор, насколько нам известно, свободно владеет всеми тремя языками, представленными в словаре. Тем не менее, татарская часть была бы точнее и адекватнее при редактировании ее специалистом-татароведом.

В актуальности и востребованности «Русско-удмуртско-татарского словаря» не приходится сомневаться. Однако, по

нашему глубокому убеждению, национальные словари в первую очередь должны отражать национально-специфические особенности жизни, культуры народа, в данном случае — удмуртского, или, учитывая место издания словаря, татарского. Словарь, составленный с учетом именно этого критерия, в большей степени отвечал бы запросам и интересам пользователей, заинтересованных в получении информации, например, о национально-языковой картине удмуртского мира, об индивидуальных и национальных особенностях носителей удмуртского языка и культуры. Вокабула на удмуртском языке позволила бы увидеть не только то, как переводятся удмуртские лексемы на русский и татарский языки, но и как передаются удмуртские фразеологизмы, которые, как правило, и раскрывают специфику языка и его носителей. Однако исходным языком словаря выбран русский. Целесообразность использования русского языка была бы оправдана в том случае, если бы он играл роль языка-посредника между удмуртским и татарским языками. Тогда словарем мог бы пользоваться и носитель татарского языка, не владеющий удмуртским. В данной ситуации автор показал нюансы перевода русской лексики на удмуртский и татарские языки. Потребность в использовании частотных словарей финского языка здесь, как нам кажется, отпадает.

Подытоживая сказанное, следует еще раз отметить, что этот первый серьезный труд в области удмуртской и татарской лексикографии имеет большое культурное и прикладное значение. Надеемся, что высказанные соображения будут учтены автором, а также другими специалистами-лексикографами в дальнейшей работе и окажутся полезными при разработке новых словарей.

Р. Т. САФАРОВ (Казань)

Address

R. T. Safarov
Institute of Language,
Literature and the Arts (Kazan)
E-mail: safar.rinat@yandex.ru